

Iwona Obłąkowska-Galanciak

Из истории русско-польских литературных связей межвоенного периода : (по статьям Дмитрия Философова)

Acta Polono-Ruthenica 1, 105-112

1996

Artykuł został zdigitalizowany i opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

Iwona Obłąkowska-Galanciak
Olsztyn

**Из истории русско-польских литературных связей
межвоенного периода
(по статьям Дмитрия Философова)**

В 1919 году многие выдающиеся представители русской интеллигенции оказались в эмиграции в Варшаве. Среди них: Дмитрий Мережковский, Зинаида Гиппиус, Дмитрий Философов, позднее также Михаил Арцыбашев, Александр Амфитеатров и др. Осенью 1920 года, после отъезда Мережковских в Париж, Философов фактически становится главным организатором эмигрантской жизни в Варшаве. К сожалению, до сих пор имя Философова не нашло настоящей оценки в польской критической литературе.

Философов (1872 - 1940) остался в Варшаве до конца своей жизни. В течение двадцати лет на страницах таких газет, как „За свободу” (1920 - 1932), „Меч” (1932 - 1934), „Молва” (1934 - 1939), выступал как редактор, литературный критик и прежде всего – публицист. На страницах печати Философов помещал статьи и очерки, посвященные не только русскому искусству, русской литературе, но также и русско-польским связям, проблемам польской литературы. Он живо реагировал на все литературные споры межвоенной Варшавы: например, на страницах „Молвы” помещал ряд статей по поводу споров, идущих тогда в польской передовой интеллигенции вокруг Тадеуша Боя-Желеньского (1874 - 1941). Как настоящий критик, он пытается лично в этот спор не вмешиваться. Его интересует не сама обстановка этого спора, а тот принципиальный вопрос, который ставит Кароль Ижиковский, то есть вопрос о свободе слова. Тем более, что проблему, поставленную К. Ижиковским, следует рассматривать гораздо шире, нежели полемику местных варшавских интеллигентов:

[...] Нового мне г. Ижиковский ничего не сказал, - пишет Д. Философов. - Не помню, когда я впервые начал выступать в печати, но, во всяком слу-

чае, худо ли хорошо ли, я „печатаюсь” почти сорок лет, и никогда свободной слова не пользовался. Конечно, не я один.¹

Много места отводит Философов и другой проблеме – „отравлению”, которому помимо своей воли подвергался, по его мнению, в течение полутора столетий польский народ и его „душа”. Став эмигрантом, прожив двенадцать лет среди поляков, овладев польским языком, он понял не разумом, а ощутил кожей, насколько искалечена польская душа, сколько накопилось в ней яда за полтора века неволи. В качестве примера он рассказывает про судьбу популярного издания *Союз филоматов*, разгромленного в 1824 году Новосильцевым.² Профессор Луцкий в предисловии к данному изданию³ пишет, что долгое время единственным источником сведений о филоматах была III-я часть *Дзядов* Мицкевича, а затем устное предание. Вокруг филоматов создавалась легенда, в печати же царил молчание, и не только под давлением внешней цензуры, но и цензуры внутренней. Нельзя было публично делиться своими воспоминаниями о филоматах, во-первых, чтобы не повредить живущим в ссылке, а, во-вторых, чтобы как-нибудь не уменьшить их патриотических заслуг. Только в начале XX века, неожиданно для многих, краковская Академия наук получила в свое владение тщательно запрятанный до того времени архив филоматов и в 1913 году издала 5 томов переписки. Война прервала это издание, и лишь в 1920 году издание архива возобновилось.

Из-за недостатка подлинных материалов рождалась легенда. Биография Мицкевича превратилась в своеобразное, как пишет Философов, „житие св. Адама”. Такая же легенда создавалась во всех областях польской истории, польской литературы, изобразительного искусства:

[...] ибо главной задачей угнетенного народа было сохранение своего лица, поддержка в широких кругах энергии, веры в освобождение, культ героев.

¹ Д. Философов, *О свободе слова*, „Молва”, 1933, № 47, с. 3.

² В этот союз вильнюсской молодежи входили А. Мицкевич, Т. Зан, Ф. Малевский, Ю. Ежовский и др.

³ Проф. Луцкий редактировал в 1929 г. популярное издание о „Союзе филоматов”. См. Д. Философов, *Дезинтоксикация*, „Молва”, 1932, № 17, с. 3.

Чтобы выдержать давление стольких „атмосфер”, надо было во что бы то ни стало поддерживать силу противоборства, поддерживать ее хотя бы ценою исторической и художественной правды... Такие писатели, как Прус, Ожешкова, Сенкевич, Жеромский, сознательно себя ограничивали, надевали железный корсет на свое художественное дарование, чтобы как-нибудь не повредить польскому делу. Художественная правда подчинилась правде политической.⁴

Когда Польша возродилась, оказалось, что ей приходится заново пересматривать свою историю, заново переоценивать свою литературу. По мнению Философова, застрельщиком в этом плане был Бой-Желеньский – один из самых талантливых в то время польских критиков и публицистов, ср.:

[...] Он подошел к Мицкевичу, как к живому человеку, которому ничто человеческое не чуждо. По его мнению, из Мицкевича, так же как из многих других великих польских людей, сделали бронзового кумира, условного и мертвого. Благодаря этому Мицкевич как бы ушел из жизни современного поляка, стал для него чуждым и далеким. Живая любовь, подлинный культ превратились в обрядность, в суеверие.⁵

Постепенно необходимость „од-кумирения”⁶ стала общепризнанной истиной. Наиболее чуткие представители польской науки и польского искусства стали трезвыми глазами смотреть на прошлое и настоящее Польши. Примеры этого своеобразного „оздоровления” Философов находит уже в современной ему польской литературе. Наиболее яркими, по его мнению, в этом плане были роман Марии Домбровской *Дни и ночи*, а также *Медный всадник* на польском языке в переводе Юлиана Тувима.

[...] Юлиан Тувим перевел его почти «конгениально», т.е. перевел как бы не извне, а изнутри, с внутренней свободой, преодолев давний спор „славян между собой”... Профессор Вацлав Ледницкий снабдил этот перевод большой статьей, в которой подверг коренному пересмотру колоссальный

⁴ Там же, с. 3.

⁵ Там же, с. 3.

⁶ По Д. Философому „одкумирение” – самое лучшее определение борьбы с „бронзовничеством”.

материал, накопившийся как в Польше, так и в России, об этой некогда столь болезненной для обеих сторон теме. И оказалось, что очищенная от давних ядов тема – совершенно преобразовалась, приобрела значение вечной проблемы о взаимоотношениях личности и государства. Правда Мицкевича и правда Пушкина противопоставлены ныне не как чисто политические, а потому и преходящие, правды, а как правды вечные, метафизические.⁷

Такое же значение имеет для Философова замечательный роман Домбровской *Дни и ночи*. Данное произведение интересует критика как одно из самых ярких доказательств „дезинтоксикации польской души”:

[...] Г-жа Домбровская здоровыми, выздоровевшими глазами посмотрела на польскую жизнь в неволе. На жизнь незаметных ее героев, которые просто жили, страдали, любили, умирали. Благодаря повседневному труду и борению этих „незаметных” людей Польша дожидается своего освобождения.⁸

В 1932 году в Женеве польская поэтесса Казимера Иллакович произнесла речь о моральном разоружении. Исходя из предпосылки, что именно писатели должны первыми очнуться от того угара ненависти, который завладел миром, она призывала всех художников слова положить начало моральному разоружению народов. По мнению Философова, мужественный и благородный голос госпожи Иллакович не одинок, а роман Домбровской, книга Туви-ма и Ледницкого служат тому убедительнейшим доказательством.

Рассуждения Философова о той высокой роли, которую сыграло имя Мицкевича как в польской, так и в русской литературе, выходят за национальные рамки, приобретают общегуманистическое звучание.

Философов не раз обращает внимание русских читателей и на историю польской эмиграции.⁹ Он находит в этой печальной истории много поучительного, даже утешительного и для русских эмиг-

⁷ Д. Философов. *Дезинтоксикация*, „Молва”, 1932, № 17, с. 3.

⁸ Там же, с. 3.

⁹ Д. Философов. *Воскресные беседы*. „Не позволяй!”, „Молва”, 1933, № 213, с. 2.

рантов. При этом, по признанию Философова, поляки не имели даже вполне объективного, исчерпывающего жизнеописания такого представителя польской культуры, как Мицкевич. Много споров в польской прессе вызвали статьи Философова, напечатанные в январе 1932 года в „Молве”¹⁰, в которых он резко критиковал монографию о Мицкевиче Юлиуша Клейнера. Философов упрекал Клейнера в том, что он использовал, в качестве основных, источники по истории русской литературы, написанные в условиях царской цензуры.¹¹

Интересным, как нам думается, является еще одна сторона данного вопроса. Историки литературы, как русские, так и польские, очень часто сопоставляли Пушкина и Мицкевича. Это определялось тем, что Пушкин и Мицкевич – современники, они знали друг друга, друг о друге писали и их взаимоотношения дают богатый материал для историко-литературных исследований. Например, для Льва Гомолицкого интересную страницу в истории русской литературы представляла идея соотношения Мицкевича и Пушкина с творчеством Александра Блока. Эта связь прослеживается в поэме Гомолицкого *Варшава* – первой эмиграционной поэме (1934):

[...] Не случайно родилась поэма Гомолицкого в Польше. Сложная и трудная тема – поэтическое осознание судеб эмиграции привела его к мотивам польского мессианизма. То, как он разрешил задачу сочетания двух литературных традиций – русской и польской, говорит о смелости его поэтического опыта. Идея связать Мицкевича и Пушкина при помощи посредствующего звена – Блока, уже вступившего своим *Возмездием* на польскую почву, представляет собою в истории русской литературы страницу, к которой, вероятно, еще придется вернуться.¹²

Антитеза же Мицкевич – Толстой долго оставалась вне поля зрения исследователей. Поэтому представляется необходимым об-

¹⁰ Д. Философов, *Мицкевич в Турции*, цикл статей, „Молва”, январь 1932, № 113, 119, 125, 131 и др. см. также: *Споры вокруг смерти Адама Мицкевича*, „Молва”, 1932, № 119.

¹¹ См. J. Krzyżanowski, *Na manowcach „Drogi do Rosji”. Filozofow versus Kleiner*, Warszawa 1934.

¹² А. Бем, „Вскипевшая жизнь эмигранта”. *О стихах Льва Гомолицкого*, „Меч”, 1936, № 24, с. 5.

ратиться и к этой очень ценной мысли, высказанной Л. Козловским. По его мнению, сравнение Мицкевича с Толстым интересно и поучительно. Я думаю, что это соотношение двух художников-мыслителей полезно проследить в плане их значения как для национальных культур, так и для культур других народов. Ведь Козловский совершенно прав, когда утверждает, что для России Толстой, а не Пушкин, был тем, кем Мицкевич для Польши:

[...] правдоискателем, учителем жизни, совестью народа. Оба они - и Мицкевич, и Толстой в пробуждении совести видели главное свое призвание, оба проповедь ставили выше бессмертных художественных творений своих, оба любовь провозглашали верховным законом бытия и этому закону хотели подчинить и жизнь народов, и жизнь отдельных людей, оба учили, что „солнце правды не знает ни запада, ни востока”.¹³

Но при всем этом правда Мицкевича глубоко отличается от правды Толстого, и в этом различии двух правд оказалось различие исторических судеб двух народов. Толстой видел путь к спасению человечества от всех зол в непротивлении злу насилеием.

Как пишет Мережковский:

[...] Слава Толстого - первая всечеловеческая слава без крови, первый всечеловеческий праздник „мира и благоволения”, первый канун последнего праздника, когда скажет, наконец, все человечество: земле мир, в человеках благоволение.¹⁴

Мицкевич же до конца жизни остался верен своему юношескому завету: „насилие силой отражать”.

[...] Мицкевич, проникаясь духом Евангелия, написал евангелие патриотизма – *Книги польского народа*, мечтая и о временах грядущих, когда народы распри позабыв, в великую семью объединятся, и оставался страстным польским патриотом в каждом слове, им написанном... Когда пришла „война народов”, о которой молил Бога Мицкевич, которая воскресила Польшу и поглотила Россию, русские патриоты оказались в изгнании

¹³ Л. Козловский. *Толстой и Мицкевич*, „Свобода”, 1920, № 107, с. 2.

¹⁴ Д. Мережковский, *Акрополь. Избранные литературно-критические статьи*, Москва 1991, с. 216.

в том же положении, в каком были польские патриоты, когда среди них проповедовал Мицкевич. И русские только тогда научились любить свою родину той любовью, какой любили свою поляки; потому что Родина - как говорит Мицкевич - словно здоровье, только тот поймет, как надо ее ценить и любить, кто потерял ее.¹⁵

Думается, что именно в 20-е годы проповедь Мицкевича не только была хорошо понятна русскому, но была даже ближе, чем проповедь Толстого. Когда русское общество все потеряло и должно было завоевывать свою родину, не этот гений мог быть вождем. Скорее в *Книгах польского паломничества* Мицкевича, чем в творениях Толстого, нашли русские изгнанники ту правду, в которой тогда они так нуждались. И уже в этом сказался выход и за национальные рамки – его всеевропейский масштаб. Но, возвратившись на возрожденную родину, они совершат, конечно, паломничество в Ясную Поляну, где хранится другая правда, односторонняя; в своей безусловности неприменимая к жизни, но великая. Мысли, высказанные в статье, спорны и неоднозначны. Вряд ли можно упрекать Толстого в отсутствии патриотизма. У Мицкевича и Толстого лишь различные акценты при решении соотношения национального и интернационального. Но нас в данной статье интересует выявление того нового мироощущения, которое определяло эмигрантскую среду и которое, несомненно, приводило к переоценке ценностей как русской, так и польской культуры.

Помимо указанного выше, Философов, как и другие эмиграционные писатели и деятели, поддерживал близкие отношения с польскими литераторами – Домбровской, Тувимом и др. Наиболее ценной в этом плане инициативой был литературно-исторический кружок под названием „Домик в Коломне”. Учредителями его были Гомолицкий и Философов и др. Имя Пушкина обязывало.

[...] В творческой личности Пушкина чудесно сочетались начала национальные с началами всемирными. Поэтому, выступая под знаком Пушкина, „Домик в Коломне” утверждал всемирность как основную традицию русской национальной литературы”.¹⁶

¹⁵ Л. Козловский, *Толстой и Мицкевич*, „Свобода”, 1920, № 107, с.2.

¹⁶ J. Stempowski, *Domiek w Kolonnie*, „Wiadomości Literackie”, 1935, № 12; см. также: *Домик в Коломне*, „Меч”, 1934, № 24, с. 4.

К руководителям кружка примкнули друзья-поляки: Рафал Блут, Георгий Стемповский и Иосиф Чапский.

Деятельность русской интеллигенции, проживающей в Польше, публикуемые ими статьи на страницах эмигрантских газет, издаваемых в Варшаве с 1920 до 1940 годов, а прежде всего статьи Арцыбашева, Амфитеатрова, Философова и др., в значительной степени обогатили русское эмигрантское „духовное поле”, а также внесли большой вклад в развитие польской русистики данного периода. Проблема польско-русских культурных связей в межвоенный период охватывает обширный исследовательский материал. Несомненно, сегодня польская русистика может назвать интереснейшие достижения в области данной проблематики¹⁷, но все же многие аспекты остаются неизученными. Появившиеся в последнее время детальные исследования по проблеме этих взаимоотношений показывают, что даже в этот тяжелый период отдаленности и неприязни удавалось установить личные связи, организовать литературные мероприятия, культурную жизнь и т.д. Как нам кажется, бесспорным подтверждением этого и является представленный нами материал.

¹⁷ См., напр., Т. Kułakowski, *Dramaturgia radziecka na scenach polskich w 20-leciu międzywojennym*, Warszawa 1982.